

УДК 821.512.111-1+[316.485:159.923](=512.111)

ББК 63.5(2Рос.Чув)

В.Г. РОДИОНОВ

**ТРАНСФОРМАЦИЯ «ОБРАЗА ПОКРОВИТЕЛЯ»
И ЛОКАЛИЗАЦИЯ «ИСТОЧНИКА ЗЛА»
В ЛИЧНОСТНОМ СОЗНАНИИ ЧУВАШСКОГО ЭТНОСА НАЧАЛА XX ВЕКА**

Ключевые слова: внутриэтнический конфликт, пограничье наук, творческая установка, картина мира, К. Иванов (Кашкыр), Г. Тукай.

Актуальность данного исследования определяется тем, что проблемы функционального внутриэтнического конфликта и личностного сознания с позиции теории исторической этнологии на материале чувашского этноса до настоящего времени остаются неразработанными.

Целью данной работы является определение типа механизма действия внутриэтнического конфликта конкретного этноса (в данном случае чувашского) на основе поэтического творчества и поведения этнофоров с ярким личностным сознанием. Функциональные основы внутриэтнического конфликта чувашского этноса, по нашему мнению, могут обнаружиться лишь в историческом срезе.

Материалы и методы. Материалами для исследования послужили творческие и биографические факты конкретных чувашских поэтов в контексте наиболее значимых культурно-политических событий в жизни чувашского этноса начала XX в. Теоретические и методологические положения исторической этнологии были использованы из учебного пособия С.В. Лурье.

Результаты. Анализированный материал показывает, что для поэтов народов Поволжья с развитым личностным сознанием начало XX в. действительно стало этапом резкого подъема их национального самосознания и активного поиска путей дальнейшего развития своего народа. К. Иванов (Кашкыр) и другие литературные классики разрабатывали свои концепции духовно-нравственных взаимоотношений между творческой личностью и народом, человеком и обществом. Их волновали многие константные формулы и культурные коды родных этносов. Как люди с развитым личностным сознанием, они искали варианты функционирования этноса в новых условиях действительности. Функциональный конфликт чувашского этноса, который служил механизмом его развития, в начале XX в. имел более четкое очертание. В условиях широкого выбора общественно-политических моделей он стал действенным конфликтом, происходящим внутри самого этнического сообщества.

Выводы. Чуваша с личностным сознанием в начале XX в. стали располагать злое начало как вне своего этноса, так и внутри его. Соответственно, образы покровителей тоже изменились: в них на первое место вышли нравственные качества людей без выделения их национального происхождения. Чувашская учащаяся молодежь стала более нетерпимой к публичной и бытовой критике в их адрес как со стороны представителей иных этносов, так и некоторых своих соплеменников, предпочитающих традиционные ценности более престижных этносов.

Введение. Актуальность данного исследования заключается в том, что проблемы функционального внутриэтнического конфликта и личностного сознания с позиции теории исторической этнологии на материале чувашского этноса до настоящего времени остаются неразработанными. Многие исторические артефакты, выявляемые в пограничье литературоведения, не получили научного объяснения. В подобных случаях исследователи-филологи используют не вполне конкретно-содержательные термины и словообороты: «феномен», «пророк», «Божий дар» и т.п. Между тем эти явления и процессы, ярко проявившиеся в художественном творчестве отдельных исторических личностей, вполне научно объяснимы с точки зрения теоретических постулатов исторической этнологии, в том числе и в аспекте функционального внутриэтнического конфликта.

Целью исследования является определение типа механизма действия внутриэтнического конфликта конкретного этноса (в данном случае чувашского) на основе поэтического творчества и поведения этнофоров с ярким личностным сознанием, детерминированность их установок на создание в творчестве определённых образов «покровителя» и «зла», мотивацию локализации подобных воображаемых субъектов в пространстве полиэтнического мира.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили творческие и биографические факты конкретных чувашских поэтов в контексте наиболее значимых культурно-политических событий в жизни чувашского этноса начала XX в. [5]. Основные документы взяты из книги «История родного края» [4], а также из собрания сочинений К. Иванова (Кашкыр) [3], теоретические и методологические положения исторической этнологии (в частности, понятия о внутриэтническом распределении культуры, функциональном конфликте, личностном сознании этноса и другие) – из учебного пособия С.В. Лурье [6]. Люди с личностным сознанием, по утверждению С.В. Лурье, принимают этнический способ видения мира, чтобы народ принял те этические нормы и ценности, к которым они пришли, сообразуясь со своим внутренним опытом, но тем самым активизируют этнические константы. В каждом традиционном обществе они занимают свою «экологическую нишу» и свою особую функцию, сопоставимую с функцией советчиков [6. С. 416]. К ним мы относим безвестных авторов многих фольклорных текстов и национальных поэтов.

Результаты исследования. В вышеназванной книге известного этнолога термин «культура» понимается как функционально обусловленная структура, имеющая внутри себя явно выраженные механизмы самосохранения даже в меняющихся культурно-политических условиях, способствующие адаптации своих членов к внешнему – природному и культурно-политическому окружению. Они также помогают этносу приспосабливать внешнюю реальность к своим нуждам и потребностям [6. С. 53]. В контексте вышеизложенного понимания этнической культуры появляется возможность объяснения ряда нововведений в творчестве национальных поэтов (в области поэтики, образов, концептов и т.д.) с особенностями внешних вызовов конкретной эпохи [1. С. 199–200]. Сегодня уверенно можно утверждать, что формированию различных типов хронотопа произведений способствуют как внеэтнические, так и внутриэтнические факторы. В начале XX в. народы Среднего Поволжья (прежде всего татары и чуваша) прошли этап формирования этнокультурной нации и приступили к образованию политической нации [5. С. 6–11]. Поэты этих этносов, как наиболее яркие выразители национальной идентичности, коллективно трудились над созданием новых (обновлённых) картин мира на базе этнических констант. В литературном творчестве они открыли художественную категорию национального своеобразия (т.е. концепт «коллективная национальная идентичность») [5. С. 16].

Этнические константы чувашского народа формировались в периоды смутного времени Улуса Джучи и сложения Казанского ханства (на основе противопоставления языческо-чувашской культуры мусульманско-кыпчакской). В картине чувашского мира того времени сложился образ «чужого» (зла, врага) в лице бесчинствующих ханских нукеров, забирающих молодых девушек и парней для продажи в рабство. Сохранились исторические песни и предания о противостоянии чувашей такому произволу.

После массовой христианизации народа чужими в чувашском мире оказались иноязычные церковнослужители, судьбы многих из них в годы Пугачёвского

бунта сложились трагически из-за различия ценностных установок их прихожан. Для чувашей-бунтовщиков Емельян Пугачёв был *сёрти патша* «земным царём», поставленным Богом (*Турă*) для управления с людьми, а священники – переодетыми в рясы теми же былыми татарскими нукерами. В фольклоре имеется много бытовых сказок о жадных попах и других церковнослужителях, тексты которых тоже были сочинены неизвестными чувашскими творцами-сказителями. Все эти фольклорные произведения создавались, скорее всего, талантливыми людьми, с личностным сознанием, знатоками традиционной культуры и в устной форме переходили от поколения к поколению.

В XIX в. основными врагами для чувашских общинников стали уже не миссионеры, а прежде всего чиновники местной власти. В картине мира этого времени власть Божьего помазанника (земного правителя) постепенно переходит к его местным прислужникам (их отождествляли с чиновниками губернского и уездного уровней). Носители злого начала находились, как доказывают произведения чувашского поэта и прозаика С. Михайлова (Яндуша), так же, как и в прошедшие эпохи (вне пределов своего этноса). Подобная локализация отражала реальное проживание чувашей-общинников главным образом в деревнях и сёлах волостей, а чиновников – в городах. Последние иноязычные и инокультурные поселения представлялись для них чужим пространством, т.е. местом обитания «злых духов». Соответственно, последовательно менялся и «образ покровителя» в чувашской картине мира. Главным защитником чувашского этноса был, как описывают эпические повествовательные тексты, *Улăп паттăр* «Богатырь Улып», а в эпохи Золотой Орды и Казанского ханства ему покровительствовали небесные божества и земные *Ырă* «священные духи». Во второй половине XIX в. таким реальным покровителем для чувашей являлся просветитель простого народа И. Яковлев.

В умах отдельных творческих личностей поволжских этносов идея духовно-нравственного воспитания народа с помощью родного языка и традиционной культуры актуализировалась примерно в 60-е гг. XIX в., когда крещёные татары и часть саратовских чувашей, отстаивая свои вероотступнические позиции, вынуждены были мигрировать в Турцию. На фоне подавления польского восстания в российской общественной жизни против подобного поведения так называемых «иноверцев» резко выступили сторонники консервативно-охранительных взглядов, которые увидели в ней политический сепаратизм. В дальнейшем данный ярлык был прикреплен к творческой и просветительской деятельности И. Яковлева. Просветитель народа в свои учебники включил в первую очередь поэтические и прозаические тексты устного народного творчества. На таком фоне завершился переход народов Поволжья второй половины XIX в. от старого этноконфессионального сознания к этнокультурной идентичности. В ходе такого исторического процесса им приходилось обновлять прежний вербальный дискурс, согласовывать его с картиной мира новой эпохи. В ряды творцов фольклорных произведений вошли в первую очередь поэты с развитым личностным сознанием.

Личностное сознание деятелей национальных культур народов Поволжья начала XX в. (в первую очередь татар) полностью опиралось на сохранившийся в их памяти исторический опыт своего этноса (они романтизировали времена функционирования Волжской Булгарии и Казанского ханства). Татарский общественно-политический деятель Ю. Акчура впервые в регионе выдвинул проект будущего государства татар на основе национального принципа, который практически стал реализовывать И. Гаспринский. Завоевание права возвращения крещёных татар в ислам (1905 г.), открытие национального театра,

резкий подъём периодики и другие достижения татарского этноса подтверждают мысль о том, что в годы первой революции татарская интеллигенция уверенно повела своих единоплеменников по пути становления татарской политической нации. Именно тогда появилось в печати социально-политическое стихотворение Габдуллы Тукая «Не уйдём!» («Китмибез!»). В нём дан окончательный ответ настоящего патриота отчизны черносотенцам, другим реакционерам и шовинистам из Государственной думы с их предложением татарам уехать в Турцию: «От рожденья до кончины за родной живя чертой, / Мы срослись навеки плотью с почвой родины святой! / Вольная страна Россия – наша цель, и до конца / Не уйдём, и не зовите, криводушные сердца!» (перевод С. Липкина). Поэт рифмует образующие концепты понятия «свободная Россия» (*хөр Русия*) и «черные души» (*русияһ*), что усиливает их несовместимость и глубокую противоречивость. Последний концепт относится к внешним враждебным силам (государственной высшей власти) и выполняет консолидирующую функцию татарского этноса.

Татарская поэзия начала XX в. насыщалась совершенно новыми или семантически обновленными концептами, которые образовались такими основными лексемами, как *милләт* «нация», *милли* «национальный» и *моң* «мелизм в музыке; печаль; вдумчивость» (*милли тел, милли көйләр, милли агачы, милләт җаны, моң күңеле, моңлы җырлар, моңлы думбырам, моңлы тан, моңлы шигырьләр* и др.) [7]. Все они выполняли функцию консолидации политической нации татар начала XX в. Концепт *милләт* по шкале этнической идентичности находился выше концепта *халык* («народ», «население»). Именно эта особенность, по мнению Л.Р. Газизовой, нашла отражение в стихотворении Г. Тукая «*Милләтә*» («К нации»). В этом стихотворении «лирический герой обращается к нации с просьбой принять, включить и его, при этом само слово вызывает у него трепет» [2. С. 122]:

Күңелем «милли» дигән сүзне сөя – белгим, нидән?

Милләтем, мине «милли» ит – миңа шатлык бүләк ит.

До В. Думаевой-Валиевой переводчики переводили *милләт* как «народ». Вышеназванная переводчица представила оригинал в такой форме: «Слово “нация” ласкает мою душу. Не пойму / Быть хочу национальным я поэтом почему» [2. С. 123]. Как отмечает Л.Р. Газизова, в татарском языке слово *милли* «употребляется довольно часто как в разговорной речи, так и в литературе» [2. С. 122]. Известно, что современники воспринимали как национального поэта татарского этноса прежде всего Г. Тукая. По предположению Л.Р. Газизовой, для В. Думаевой-Валиевой было важно не только создание художественного перевода, но и выражение идеи любви к нации, потребности быть её частью. Для современной татарской литературы, существующей в условиях глобализации, характерно отражение идеи о потере национальной идентичности. Более поздний перевод стихотворения «*Милләтә*», принадлежащий В. Думаевой-Валиевой, стал одним из способов выражения данной мысли [2. С. 122].

Итак, Г. Тукай актуализировал национально-политические проблемы, вокруг которых постоянно велись жаркие дискуссии на разных площадках, уровнях этнического бытия и власти. Внутриэтнический конфликт татарского этноса в начале XX в. воплощался, скорее всего, в образе зла вне своего этнического сообщества, но, в отличие от чувашского, он ориентирован не на местную, а на самую высшую власть государства.

Историческая память чувашского народа достигала тех же глубин, что и татарская. Хорошо сохранились предания о падении Волжской Булгарии и Казанского ханства. Многие схожие факты наслаивались друг на друга: перечисление

событий было не в хронологическом порядке, при этом содержание преданий оставалось неизменным. Например, в предании о споре царей трёх народов (чувашей, татар и русских) первоначально присутствовали цари первых двух этносов, третий народ и его царь был назван уже после падения Казанского ханства. Кстати, на основе данного устного предания К. Иванов (Кашкыр) намеревался сочинить стихотворное произведение «*Ватӑ вӑрман*» (Дремучий лес). В его «Записной тетради за 1907 г.» сохранилась пара строф с заголовком «*Ватӑ вӑрман шухӑшӗ*» (Думы дремучего леса) и подзаголовком «Отрывок из легенды про чувашского царя» [3. С. 30, 366].

Чувашские общественно-политические лидеры, одновременно являясь писателями и публицистами, в те годы следовали за русскими социалистами-революционерами, радикальность некоторых из них обесценила их политическую борьбу во благо простого народа. Лишь после февральской революции 1917 г. они смогли, во-первых, организовать разветвлённую сеть национального политического объединения; во-вторых, привлекая творческую интеллигенцию остальных православных этносов региона, смогли сплотить «Союз мелких народностей Поволжья».

В самом начале XX в. поэты и прозаики Поволжья открыли для себя идентификационное значение родного языка и наличие опасности его исчезновения. В творчестве чувашского поэта Якку Турхана тема родного языка и его значения в жизни народа впервые встречается в стихотворении «*Каҫхи чан ҫапни*» («Вечерний звон», 1901). Лирический субъект переживает за сохранение в будущем чувашского языка, национальной песни и традиционной культуры. Поэт выдвигает следующий судьбоносный для народа вопрос: «Если чувашский язык исчезнет, / То какая польза будет чувашу? / Чувашская песня если исчезнет, / Что тогда останется ему петь? / Если обрусее чуваш, / Соседи же скажут: / «Был бы чуваш умным, // Он бы [никогда] не русел». (/ Наш сосед только радовался бы, / Этим своё сердце успокоил бы»). Далее мысль лирического героя конкретизируется: если чуваш забудет свою песню, то в чём он найдет утешение? Песня, исполняемая чувашом, выражает его ум и душу, наводит на воспоминания о минувшем и заставляет его горестно рыдать [5. С. 20].

Данное стихотворение отражает настроения чувашской интеллигенции этноцентристского направления, к которому принадлежали Н. Никольский и целая плеяда его единомышленников. Борьба за родной язык и народную культуру привела их к противодействию политике просветителей-обрусителей XIX в. (Н. Ильминского, частично И. Яковлева), хотя они против названных деятелей публично никогда не выступали, как не выступали и против чувашей левого крыла (кроме оценок в личных письмах). Общим врагом для всей чувашской творческой интеллигенции начала века были чиновники разного уровня властей, в том числе и чувашского происхождения. Идея сохранения родного народа, развития его многофункционального языка и культуры стала для чувашской интеллигенции того периода общенациональной. Своеобразными этнокультурными кодами стали концепты *тӑван чӗлхе* («родной язык»), *юрӑ* («песня»), *анне* («мать»), *халӑх* («народ») и другие идентифицирующие объекты и сферы традиционной культуры. В отличие от татарской поэзии, чувашские стихотворения и поэмы поднимали прежде всего этнокультурную, а не общественно-политическую проблематику. По этой причине в чувашском литературном языке для выражения понятия «нация» долго использовали термин *халӑх*. Чувашский концепт «песня» в своей семантике сохранил более традиционные

(семейно-родовые) мотивы, чем татарская обновленная песня с мелизмом в напеве (*моңлы жырлар*). В этом выражалось их своеобразие, ставшее в те годы одним из главных идентифицирующих признаков этносов региона.

В чувашской поэзии тех лет усилилась критика людей, заботящихся только о себе, а не о народе и нации (консервативных мулл и мелких торговцев, священников-русификаторов, отрицателей родной культуры и языка, разрушителей народных святынь). Классики поэзии создавали образы певца нации или народа, призывали единоплеменников к примирению и духовному единению. В годы первой революции часть чувашских поэтов стала активнее развивать мотивы свободы и социальной борьбы, прославлять народ и защищать его интересы. Другая, более малая часть отстранилась от перечисленных проблем, отрицала традиционную культуру, заменяя её литературой христианско-монархического содержания. В данный период произошло ускоренное смещение основных концептов, мотивов и тем в стихотворных произведениях в сторону социального и национального содержания. При этом татарская поэзия в лице Г. Тукая активно разрабатывала общенациональную проблематику, чувашская же поэзия оказалась подверженной общероссийским социально-политическим настроениям в ущерб общенациональному движению. Всё это сказалось на динамике и специфике развития художественного сознания последующих периодов. Главными этническими концептами и мотивами в поэзии становятся родной язык (как основа новой культуры, печати), поэт (как лидер, певец и защитник нации), образы народов-соперников и др. Новые переводы радикально-левых поэтов способствовали созданию революционных образов и символов, а также частичному утверждению чувашской силлаботоники. Переводы умеренно-левых поэтов осуществлялись главным образом на основе традиционной (силлабической) метрики. Синкретическое мышление национальных творцов значительно сократило время их становления, оно усиленно направляло поэтов по пути национального своеобразия и творческой уникальности, а также высокого художественного мастерства.

В 1905–1906 гг. чувашская общественная жизнь была богата двумя значительными событиями: изданием первой чувашской газеты «*Хыпар*» («Вести») и созданием общественно-политической организации «Союз чувашских учителей» (в дальнейшем – «Союз») [4. С. 343–344]. Основная часть чувашских поэтов и прозаиков поддерживала программу газеты Никольского, нацеленную на общенациональную культурно-просветительную деятельность. Газета «*Хыпар*» публиковала авторов всех общественно-политических и местнических течений и группировок, тем самым объединяла этнос и двигала его в направлении этнополитического сообщества. Для них был один общий враг – это чиновники всех мастей и рангов, угнетатели «черного люда». Большинство членов «Союза», в том числе и новый редактор газеты «*Хыпар*» С. Игнатьев, резко выступали против политических устоев в России (с позиции эсеров) и критиковали чувашских священников как услужников власти и церкви. Борьба «на два фронта» оказалась для них непосильным трудом: газета закрылась из-за финансовых затруднений и ареста сотрудников редакции. Но накопленный опыт и практика национально-политической самоорганизации чувашской революционной интеллигенции 1905–1907 гг. были успешно применены в 1917–1918 гг., что придало чувашскому национально-освободительному движению невиданную до того времени динамику и весьма высокую сплочённость и организованность. Создание Н. Никольским в 1917 г. «Общества мелких народностей Поволжья»

и развитая разветвленная сеть филиалов «Чувашского национального общества», участие в выборах в Учредительное собрание отдельным списком способствовали чувашскому национальному движению стать в регионе третьей (наряду с русскими и татарами) силой. Свои политические действия чувашские общественные деятели второго десятилетия XX в. хотели объединить именно с православными малыми народами Урало-Поволжья. На этой общественно-политической волне развернулось творчество классика Михаила Сеспеля, воспевающего чувашскую нацию и его освобожденный от насилия язык. Все главные концепты его творчества концентрированы вокруг словосочетания *чăваш чĕлхи* («язык чувашский»).

Далее следует более подробно описать одно событие, произошедшее в Симбирской чувашской учительской школе (СЧУШ) исключительно по причинам назревшего в сознании молодых чувашей начала века внутриэтнического конфликта. К 1907 г. в окружении СЧУШ и поэтов-журналистов выделились два основных течения: общенационально-центристское и радикально-левое. В составе первого находились и умеренно левые поэты, которые никогда не забывали о насущных проблемах родной нации. Вторые мыслили категориями социально-классовых учений и не признавали общенациональных интересов. Данная особенность наглядно отразилась и при переводе «Крестьянской марсельезы» на чувашский язык, который Тимкки Тайыр значительно изменил (усилил и конкретизировал его в духе программы эсеров): «За землю, свободу, за насущный хлеб / Пойдем все сражаться с врагом. / За то, что издеваются над нами, / Соберёмся с ними воевать» [5. С. 36]. Здесь обнаруживаются чисто классовый подход переводчика и его радикально-левые взгляды.

«Крестьянскую марсельезу» переводил и ученик I класса СЧУШ К. Иванов (Кашкыр), когда их класс готовился выступить с протестом против преподавателя-словесника Д. Кочурова. Приведём перевод припева песни: *Вăранăр, тапранăр, чăваш ăçиннисем! / Тапран эс вăрăма, выçă халăх! / Халăх хăй ăçиллине кăтăртăр! / Малалла, малалла, малалла!* «Вставай, поднимайся, чувашский народ! / Начиная воевать, люд голодный! / Народ пусть обиду свою превратит в ярость! / Вперёд, вперёд, вперёд!» [3. С. 28].

В переводе К. Иванова (Кашкыра) социально-классовый призыв заменён национально-этническим. Исследователи полагают, что перевод был сделан не ранее 10 и не позднее 25 октября 1906 г. Именно в те осенние дни (но не раньше 8 ноября 1906 г.) поэт смастерил печать-клише с зашифрованным текстом. Там были написаны имя и фамилия преподавателя с чувашским акцентом «Т[митрий] ГОЧУУРОВ» (вместо «Дмитрий Кочуров» с ударением на последний слог фамилии). Весьма оригинально начало печатания закодированной фамилии учителя-шовиниста: на правой стороне страницы 78/74 боком тушью написано «Почётный отзыв!!!», а ниже поставлено пять оттисков клише. При этом каждый оттиск сопровождается словом «Интеллигенция». Очевидно, поэт этим подчёркивал неинтеллигентное поведение учителя (о нём поэт Н. Шубоссинни писал, что он – «грубиян», «оса» и «великий шпион»), конкретнее – его грубость, ехидное насмехательство над акцентом воспитанников чувашского происхождения. Ненависть воспитанников СЧУШ к Кочурову вылилась в недовольство начальством школы, последнее (по сообщению Ф. Павлова, прежде всего супруга инспектора) использовало вышеназванного учителя в качестве «великого шпиона». В той же записной тетради на странице 48/44 в её перевёрнутом расположении нарисована голова бородатого старика, среди прядей бороды явно

проглядываются две буквы: «Як». Это, несомненно, очередная карикатура, скорее всего, на самого инспектора школы. Всё это сотворено поэтом на уровне коллективного бессознательного чувашского этноса того периода.

Следующим событием, оказавшим влияние на творчество К. Иванова (Кашкыра) и его товарищей, является его активное участие в подаче петиции учащимися I класса инспектору СЧУШ. 10 января 1907 г. воспитанники-чуваши данного класса потребовали от инспектора увольнения учителя русского языка и заведующего столярной мастерской Д. Кочурова по причине «презренного отношения к чувашам» и «неаккуратного отношения к урокам» [З. С. 322–323]. 3(16) марта 1907 г. поэт принимает активное участие в волнениях: ученики СЧУШ отказались от занятий, пели революционные песни, а некоторые из них (по сообщению инспектора СЧУШ попечителю Казанского учебного округа) пытались вывесить на здание школы красный флаг [З. С. 322–323]. Через два дня они подали вторую петицию с объявлением бойкота учителю-шовинисту, под ней подписались воспитанники и русского происхождения [З. С. 325]. 8 марта 1907 г. весь первый класс отчисляется из СЧУШ, все ученики-забастовщики, в том числе и русского происхождения, разъезжаются по своим родительским домам, среди них и будущий автор бессмертной поэмы «Нарспи» [З. С. 326].

Так завершился кратковременный национально-политический порыв воспитанников СЧУШ. Не случайно он совпал с периодом издания газеты Союза чувашских учителей и активного действия чувашских социалистов-революционеров. В защиту учеников СЧУШ выступили студенты из Казанской учительской семинарии и Симбирской духовной семинарии. Личностные качества К. Иванова (Кашкыра) и его однокашников сформировались именно в пору подъёма и резкого слома чувашского национального и общественно-политического движения и в дальнейшем определяли их творческое кредо и художественные установки. С точки зрения исторической этнологии данные процессы проходили одновременно с усилением в народе состояния смуты, а также трансформации в картине мира образов «покровителя» и «врага». Крестьяне по-прежнему обожествляли И. Яковлева и его школу, главное зло отождествляли с иноязычным начальством разного ранга. Творческие же люди с развитым личностным сознанием, наоборот, источник главного зла размещали внутри самого этноса. В начале XX в. СЧУШ перестал уже быть единственным центром притяжения чувашской творческой молодёжи, некоторые революционно настроенные политические деятели и писатели (И. Юркин, М. Юман и др.) видели в деятельности чувашского просветителя усиление миссионерских и русификаторских устремлений.

Чувашские поэты болезненно восприняли вызовы действительности второго десятилетия XX в., их лирические герои угнетены средой и томятся, стремясь то в родной край и к любимой девушке, то мечтают идти по пути к национальному объединению, развитию искусств и наук. Эндри Турхан, младший брат поэт Якова Турхана, развивал мотив родного дома, концепты «чувашский народ» и «родной язык»: «Живя в чужбине, в доме чужом / Вспоминаю родной народ, плачу. / Плающим сердцем в городе чужом / Чувашский народ любя, добра желаю» («Ютри пурăнăç» – Жизнь в чужбине, 1913). В эти годы чувашская поэзия обрела свое новое дыхание, развиваясь во всех разновидностях лирики и лироэпики. При этом она интенсивно разрабатывала этнически значимые концепты, составляющие константную основу этнокультурной нации. Воспитанники Казанской учительской семинарии в поэзии всегда стояли ближе к поэтам-переводчикам СЧУШ и деятелям Симбирского созвездия. Универсализмом

отличался Э. Турхан: хорошо рисовал, играл на скрипке, владел многими языками, сочинял стихотворения, имел артистические данные. В стихотворении «Юлашки юррăм» (Лебединая песня, 1915) поэт поднимал тему родного народа: «Родной мой народ! Настал час – умираю! / Расстаюсь я с родиной навсегда: / Последний раз, любя, благословляю. / Перед смертью в устах одно имя – чуваш!». Стихотворение звучит как реквием, а в конце лирический герой выражает своё сокровенное желание: «Любящих тебя людей не забудь: / В чужбине, как я, умирать не давай. / Песни мои ты с любовью читай, / Умираю, народ мой, ты навеки живи!». Э. Турхан весьма часто прибегал к концепту «чужбина» («чужой край»), который в единстве с концептом «родной народ» синтезировал новый образ патриота своего народа, скучающего по малой родине («Ачам тăпри синче» – На могиле ребенка, 1915; «Ют сёрте» – На чужбине, 1915; «Аттемпе аннене» – Отцу и матери, 1916; «Шухăшăма» – Думе моей, 1917). В последнем стихотворении Э. Турхан вспоминает своих предков, терпевших от разных народов бесконечные унижения и гонения. К этому времени он написал и опубликовал в газете «Хыпар» исторический очерк «Чăваш историйĕ» (История чувашского народа, 1915–1917), в котором осветил деяния гуннов и их вождя Аттилы, историю волжских булгар и Казанского ханства. Он создал новую историю будущей чувашской политической нации [5. С. 111].

Антиправославной крайностью поэт И. Тыхти сопоставим с деятельностью тюрлеминца Г. Коренькова и его единомышленников. А Э. Турхан ратовал за создание христианской коммуны без епископов и других высших церковных должностей. По его мнению, последние всегда выступали против национального движения нерусских народов. Духовная энергия поэта направлена не на конфессиональное и социальное разделение народа, а на национальное объединение во имя свободного развития культуры и языков. С данной центростремительной позиции выступал и Г. Комиссаров (Вандер). Таким образом, внутри Уфимского созвездия обнаружились две тенденции: И. Тыхти и некоторые другие деятели возвышали народную культуру, противопоставляя ей культуру христианско-миссионерскую. Г. Комиссаров (Вандер) и Э. Турхан считали, что в основе новой культуры чувашей достойное место должны занимать как фольклорно-народное, так и христианско-европейское начала. Последнее должно способствовать интенсивному развитию чувашской политической нации со своей богатой историей и уникальной культурой. В поэзии Э. Турхана это отразилось и на уровне поэтики и стихосложения: поэт активно внедрял в чувашский стих русско-европейскую силлаботонику, переводил революционные гимны, произведения западно-европейских писателей. Его усердными учениками в дальнейшем стали А. Милли и М. Сеспель, основные фигуры чувашской поэзии и культуры пореволюционного времени [5. С. 112].

Выводы. Новое прочтение ранее анализированного литературоведческого материала, а также теоретически-этнологический аспект его интерпретации позволяет нам представить следующее заключение:

1. Для чувашского общинника-традиционалиста в начале XX в., как и раньше, был один общий враг – чиновники всех уровней и мастей, угнетатели «черного люда». Это злое начало он располагал, как правило, вне своего этноса. Локализация доброго начала пока оставалась такой же, как во времена Пугачёва, но появились и общенациональные покровители (И. Яковлев, Н. Никольский и др.), которые, по реальному убеждению чувашских крестьян, защищали крестьян-общинников.

2. Чуваш с личностным сознанием в начале XX в. стал располагать злом начало как вне своего этноса, так и внутри его. Соответственно, образы покровителей тоже изменились: в них первое место заняли нравственные качества людей без выделения их национального происхождения. Чувашская учащаяся молодежь стала более нетерпимой к публичной и бытовой критике в их адрес как со стороны представителей иных этносов, так и некоторых своих соплеменников, предпочитающих традиционные ценности более престижных этносов.

3. В ходе вышеназванных адаптаций и трансформаций сложилась новая общественная институция этноса, а её модификация происходит, как утверждают этнологи, в процессе функционального внутриэтнического конфликта и спонтанного самоструктурирования [6. С. 341]. Огромную роль в формировании новой картины мира чувашского этноса начала XX в. сыграли «забастовщики» (И. Яковлев) СЧУШ, которые в своих поэтических произведениях смогли выразить основные смыслы этнической культуры.

Литература

1. Аминеева В.Р. Сопоставительное изучение русской и татарской литератур. Казань: Редакционно-издательский центр «Школа», 2017. 264 с.
2. Газизова Л.Р. Лирика Габдуллы Тукая в переводах на русский язык: история и поэтика. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2022. 186 с.
3. Иванов К.В. Сырнисен пуххи = Сочинения / сост. А.В. Васильев, Н.Ф. Данилов, Г.Ф. Юмарт. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1990. 447 с. (На чув. и рус. яз.).
4. История родного края. Хрестоматия. Часть I (X–XX века). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. 416 с.
5. История чувашской литературы XX века. Часть 1 (1900–1855 годы). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 431 с.
6. Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. 624 с.
7. Татар шигърияте: XX гасыр башы. Казан: Мәгариф, 2004. 447 б.

РОДИОНОВ ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (vitrod1@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0143-7952>).

Vitaliy G. RODIONOV

TRANSFORMATION OF THE "PATRON IMAGE" AND LOCALIZATION OF THE "SOURCE OF EVIL" IN THE PERSONAL CONSCIOUSNESS OF THE CHUVASH ETHNIC GROUP OF THE EARLY XX CENTURY

Key words: *intraethnic conflict, frontier of sciences, creative attitude, worldview, K. Ivanov (Kashkyr), G. Tuckay.*

The relevance of this study is determined by the fact that the problems of functional intraethnic conflict and personal consciousness from the standpoint of the theory of historical ethnology on the material of the Chuvash ethnos have remained undeveloped to date.

The purpose of this work is to determine the type of mechanism of action of the intraethnic conflict of a particular ethnic group (in this case, the Chuvash) based on the poetic creativity and behavior of ethnophores with a vivid personal consciousness. In our opinion, the functional foundations for the intraethnic conflict of the Chuvash ethnic group can be found only in a historical context.

Materials and methods. The materials for the study were the creative and biographical facts of specific Chuvash poets in the context of the most significant cultural and political events in the life of the Chuvash ethnic group of the early XX century. The theoretical and methodological provisions of historical ethnology from S.V. Lurie's textbook were used.

Results. The analyzed material shows that for the poets of the peoples of the Volga region with a developed personal consciousness, the beginning of the XX century really became a stage of a sharp rise in their national consciousness and an active search for ways to further

develop their people. K. Ivanov (Kashkyr) and other literary classic authors developed their concepts of the spiritual and moral relationship between a creative personality and the people, the man and the society. They were concerned about many constant formulas and cultural codes of their native ethnic groups. As people with a developed personal consciousness, they were looking for ways for the ethnic group to function in the new conditions of reality. The functional conflict of the Chuvash ethnic group, which served as a mechanism for its development, had a clearer outline at the beginning of the XX century. In the context of a wide range of socio-political models, it became an effective conflict taking place within the ethnic community itself.

Conclusions. The Chuvash people with personal consciousness in the early XX century began to place the evil inclination both outside their ethnic group and inside it. Accordingly, the images of patrons also changed: the moral qualities of people came to the fore in them, without highlighting their national origin. The Chuvash students became more intolerant of public and everyday criticism of them, both from representatives of other ethnic groups and from some of their fellow tribesmen who preferred traditional values of more prestigious ethnic groups.

References

1. Amineva V.R. *Sopostavitel'noe izuchenie russkoi i tatarskoi literatur* [Comparative study of Russian and Tatar literatures]. Kazan, Shkola Publ., 2017, 264 p.
2. Gazizova L.R. *Lirika Gabdully Tukaya v perevodakh na russkii yazyk: istoriya i poetika. Diss. ... kand. filol. Nauk* [Lyrics of Gabdulla Tukay in translations into Russian: history and poetics. Cand. Diss.]. Kazan, 2022, 186 p.
3. Ivanov K.V. *Cyrnisen pukkhki / Sochineniya* [Essays]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1990, 447 p.
4. *Istoriya rodnogo kraya. Khrestomatiya. Chast' I (X–XX veka)* [History of the native land. Reader. Part I (X–XX centuries)]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1993, 416 p.
5. *Istoriya chuvashskoi literatury XX veka. Chast' 1 (1900–1855 gody)* [History of Chuvash literature of the 20th century. Part 1 (1900–1855)]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2015, 431 p.
6. Lur'e S.V. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical ethnology]. Moscow, 2004, 624 p.
7. *Tatar shigariyate: XX gasyr bashy* [Tatar poetry: the beginning of the 20th century]. Kazan, Magarif Publ., 2004, 447 p.

VITALIY G. RODIONOV – Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Chuvash Philology and Culture, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (vitrod1@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0143-7952>).

Формат цитирования: Родионов В.Г. Трансформация «образа покровителя» и локализация «источника зла» в личностном сознании чувашского этноса начала XX века // Вестник Чувашского университета. 2025. № 1. С. 112–122. DOI: 10.47026/1810-1909-2025-1-112-122.